

УДК 947.6
ББК 63.3(2)47
Г90

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ

Рецензенты:

доктор исторических наук, заведующий отделом истории
Беларуси XIII— XVIII вв. Института истории НАН Беларуси
Ю. Н. Бохан;
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории древних цивилизаций и средних веков БГПУ В. В. Тугай

Г90 Груцо, И. А.
История московских трофеев Наполеона и исследование березинской версии их судьбы на базе документальных и вещественных источников : монография / И. А. Груцо. — Мн. : БГПУ, 2005. — 239 с.
ISBN 985-435-876-3.

В монографии помещено комплексное научное исследование различных аспектов истории московских трофеев Наполеона. Анализируются итоги их поисков. Приводится авторская версия и результаты, достигнутые в ходе ее исследования. Уделяется внимание раскрытию событий 1812 г. для Беларуси на современном этапе ее развития.

Адресуется историкам, аспирантам и студентам, профессионально занимающимся данной наукой, широкому кругу читателей, всем интересующимся историей своей Родины.

ISBN 985-435-876-3

УДК 947.6
ББК 63.3(2)47

© Груцо, И. А., 2005
© УИЦ БГПУ, 2005

кафедра
Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

И. А. Груцо

ИСТОРИЯ МОСКОВСКИХ ТРОФЕЕВ
НАПОЛЕОНА

И
ИССЛЕДОВАНИЕ БЕРЕЗИНСКОЙ ВЕРСИИ
ИХ СУДЬБЫ НА БАЗЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ
И ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Монография

Уч. 2633
Минск 2005

итальянской гвардии. Войска адмирала Чичагова отбили знамя 14-го кирасирского полка и 3-го полка легкой кавалерии [117, с. 281].

По крайней мере, еще два «орла» были найдены в самом Борисове и в д. Студенке вскоре после окончания Отечественной войны 1812 г. О первом из них сообщил графу Аракчееву в Петербург командир 2-го саперного полка генерал-майор Грессер. Его подразделение в июле 1813 г. занималось восстановлением предместных укреплений у переправы в самом городе Борисове. Именно там шел бой между русскими войсками под командованием Ламберта и польскими частями французской армии под командованием генералов Домбровского и Брониковского в ноябре 1812 г. В ходе земляных работ саперы обнаружили «от штандарта польских войск орел» [4, л. 44]. Навершие знамен польских частей отличалось от таких же наверший во французских частях. Польский орел, как правило, был высеребрен и его венчала золотая корона. «Орлы» наполеоновские были из позолоченной бронзы и без короны.

В апреле 1814 года минский генерал-губернатор Игнатьев переслал в Петербург французского «орла», который был захвачен 17 ноября 1812 г. на переправе в д. Студенке солдатами 5-го Башкирского полка [4, л. 98].

После Березины стремительное отступление французов к Вильно, по сути дела, превратилось в бегство, в ходе которого уцелевшие знамена могли легко попасть в руки русских войск. Не желая допустить такого позора, Наполеон на последнем переходе к Молодечно издал приказ, предусматривающий специальные меры для сохранения знамен. Впоследствии он попал в руки Кутузова, который переслал его к Александру I. В сопроводительной записке говорилось: «Имея счастье повергать к стопам Вашего Императорского Величества забираемые у неприятеля знамена и штандарты, долгом моим считаю всеподданнейше предоставить приказ от Наполеона выданный, коим повелено, оставя при каждом полном полку по одному только Орлу, все прочие отправить в депо...» [209, л. 180].

Какова дальнейшая судьба французских знамен, отправленных на хранение в обоз? Судя по всему, они были спасены. Может именно о них говорил сэр Роберт Вильсон, утверждавший, что в числе сумевших выйти за пределы Российской империи остатков Великой армии находилась горстка офицеров и унтер-офицеров, конвоировавших «орлов», «не взятых еще или не сожженных». Кстати, он утверждал, что за весь период Отечественной войны 1812 г. русские войска захватили у французов 75 «орлов» [39, с. 336].

По заведенному Александром I порядку, захваченные французские знамена отправлялись в Петербург и устанавливались перед его кабинетом в Зимнем дворце. Там же знамена приводили в порядок. Часто случалось, что захватить удавалось либо только полотнище знамени, либо его навершие — «орла». В таких случаях мастера петербургского арсенала по имевшимся в их распоряжении оригиналам отливали недостающее навершие, изготавливали древко и, таким образом, реконструировали первоначальный облик знамени. Перед большими религиозными праздниками

знамена и «орлы» в сопровождении эскадрона кавалергардов и конно-гвардейцев торжественно перевозились в Казанский собор, где и оставались на хранение [4, л. 64].

Выяснить их дальнейшую судьбу в конце XIX в. попытался французский историк Фредерик Массон. Он обратился за помощью к члену российского императорского дома великому князю Николаю Михайловичу, внуку императора Николая I и дяде царствовавшего монарха Николая II. Именно Массона интересовали точные данные о количестве французских знамен, захваченных русскими войсками в военной кампании 1812 г. и их дальнейшая судьба. В своем ответе великий князь Николай Михайлович сослался на данные военного историка Чуйкевича, утверждавшего, что с июля по ноябрь 1812 г. было захвачено 75 знамен Великой армии.

В Казанском соборе хранилось в конце XIX в. только 41 трофейное французское знамя, штандарты и «орлы». Часть из них, несомненно, входила в свое время в число упомянутых выше 75 трофейных знамен. К ним также относились 10 французских и 4 итальянских знамени, хранившихся в церкви имени Прузино, расположенного в Новгородской губернии. Оно принадлежало всесильному фавориту Николая I графу Аракчееву, в обязанности которого входило вести учет всех захваченных знамен, штандарты и «орлов». Примечательно, что из 10 хранившихся в Прузино французских знамен 6 принадлежало императорской гвардии [209, т. 4, с. 121].

Всего в Казанском соборе насчитывалось 103 трофейных знамени, захваченных русскими войсками в ходе военной кампании 1812—1814 гг., а именно: французских — 41, итальянских — 4, польских — 11, немецких — 47 [210, с. 39].

Таким образом, получившее широкое распространение в исторической литературе утверждение, что именно в Бобре по приказу Наполеона были сожжены все знамена Великой армии, не соответствует действительности. Это опровергает не менее распространенное представление о том, что уже в Бобре Наполеон и его армия оказались в критическом, безвыходном положении и именно поэтому затопили московские трофеи в озере Стоячее (Бобровское). Представляется, что действительной причиной пощипления этой версии явился географический фактор, так как данное озеро расположено не далее чем в 150 м от старого Екатерининского тракта, по которому отступали части Великой армии.

4.3. Сражение при переходе Великой армии через р. Березину и история поисков ее ценностей на месте переправы

Накануне сражения на р. Березине под командованием Наполеона находилось от 30,7 до 40,7 тысяч боеспособных солдат и 35—40 тысяч безоружных, отставших и больных [101, с. 287]. Исполняя приказ императора любой ценой вернуть Борисов и переправу через р. Березину, корпус Удино стремительным маршем приблизился к городу и выбил из него русские

войска. Единственное, что они успели сделать, так это поджечь мост через р. Березину. Борисов оказался захвачен войсками Удино, но единственный мост оказался уничтоженным. Пользуясь полным контролем над левым берегом, маршал Удино отдает приказ искать броды, пригодные для осуществления переправы. Вскоре было установлено, что переправиться через Березину возможно выше Борисова у д. Стахово, Студенка и Веселово и ниже, у д. Ухолода.

Выбор места переправы был остановлен на броде у д. Студенка. О его существовании было известно издавна. Предания гласили, что именно здесь переправлялись войска шведского короля Карла XII в годы Северной войны [123, № 31]. Помог сделать правильный выбор и «его величество случай». Незадолго до описываемых событий именно у д. Студенка переправилась кавалерийская бригада Корбино, следовавшая на соединение с корпусом Удино. Корбино доложил о найденном им броде и его состоянии лично Наполеону, когда тот находился еще в Бобре. Нечего и говорить, что эти сведения представляли архиважный интерес для императора. В знак признательности он тут же назначил Корбино командиром дивизии и присвоил ему звание своего личного адъютанта [42, ч. 3, с. 159].

Выбрав д. Студенку для строительства мостов через Березину, Удино сумел обмануть относительно своих истинных намерений командующего русских войск адмирала Чичагова [49, с. 195—198].

Еще не зная, отбил Удино Борисов или нет, Наполеон распорядился отправить туда ускоренным маршем саперные части под командованием генералов Эбле и Шасслу. Им предписывалось приступить к наведению переправы сразу после освобождения города от русских войск.

На первый взгляд, этот приказ казался невыполнимым, ведь в ходе отступления все понтоны были уничтожены. Из всего саперного имущества генералу Эбле удалось сохранить только 6 ящиков с инструментами, 2 походные кузницы и две повозки с углем. Он же приказал в Сурше захватить каждому саперу по 20 костылей, топоры и скобы [13, с. 176]. Вот этими скудными средствами и предстояло в кратчайшие сроки построить мосты через Березину. Спасение Великой армии вообще зависело от того, насколько успешно справятся саперы с поставленной задачей.

25 ноября Наполеон в сопровождении Старой гвардии прибыл в Борисов и вечером того же дня выступил в д. Студенку. Ночь он провел в имении Старо-Борисов, принадлежавшему его слуге князю Радзивиллу. Положение армии было крайне тяжелым и даже приближенным императора оно казалось безвыходным. Один из них, Рапп, впоследствии передал в своих воспоминаниях разговор между маршалами Неем и Мюратом, состоявшийся на рассвете 26 ноября в д. Студенке. По его словам, Ней прямо заявил: «Наше положение неслыханное, если Наполеон выпутается сегодня, в нем сидит сам черт», а Мюрат добавил: «Мы все погибнем, о сдаче не может быть и речи». Он сообщил, что накануне предложил императору спастись, бросив армию, переправившись через Березину

выше по течению в сопровождении небольшого отряда [49, с. 180]. Однако Наполеон даже не выслушал до конца его предложение.

И в этот, казалось бы, самый критический момент наблюдатели сообщили, что русские войска на противоположном берегу выстраиваются в походные колонны и отходят к Борисову. Это генерал Чаплиц исполнял приказ адмирала Чичагова, обманувшего относительно истинного места переправы ложными маневрами войска маршала Удино ниже Борисова возле брода у д. Ухолода. Узнав об отходе основной части казаков и русской артиллерии, Наполеон не смог сдержать радости и воскликнул: «Я обманул адмирала! Он решил встретить меня в том месте, где строится ложная переправа!».

Как только войска Чаплица скрылись из вида, саперы приступили к строительству мостов. Подготовительные работы велись еще накануне. По приказу Удино солдаты заготавливали строительные материалы, разбирая дома в Студенке на бревна, вязали фашины, которыми предполагалось закрывать болотистый берег. Всю ночь с 25 на 26 ноября саперы пилили лес, ковали в походных кузницах гвозди и скобы. Железа не хватало, поэтому исходным материалом для них служили обода от снятых с повозок колес [13, с. 179].

Предполагалось, что через Березину будет построено три моста на козлах. Для их защиты требовалось срочно переправить через реку как можно больше солдат. Лодок в деревне не было, поэтому саперы сделали из подручных материалов три небольших плота, каждый из которых мог выдержать не более 10 человек. Темп подготовительных работ поддерживался очень высокий, и уже к утру 26 ноября можно было приступать к постройке мостов. Так как часть козлов, собранных солдатами из корпуса Удино, оказалась непригодными, от строительства третьего моста пришлось отказаться [42, ч. 3, с. 201].

С рассветом 26 ноября Наполеон прибыл в д. Студенку и в 8 часов утра отдал приказ приступить к строительству верхнего моста. Одновременно на правый берег на плотах и лошадях переправилось до 400 пехотинцев и кавалеристов. Они быстро отогнали казацкие разъезды, оставленные для наблюдения за бродом генералом Чаплицем.

Попытка русской батареи под командованием капитана Арнольди помешать строительству моста оказалась безуспешной. Дело в том, что как раз над тем местом, где проходило строительство, господствовал высокий холм. На нем французы разместили батарею из 40 тяжелых орудий. Русские пушки успели произвести только один залп, не причинивший ни малейшего вреда строящемуся мосту [211, с. 261]. Ответным огнем французские артиллеристы буквально смели с лица земли батарею Арнольди. С уцелевшими орудиями он был вынужден отступить в лес.

Теперь ничто не могло помешать строительству мостов, правый и левый берег Березины полностью контролировался наполеоновскими войсками. Весь день 26 ноября часть саперов изготавливала козлы, а дру-